

Вынужденная обстоятельствами, Хэ Сяомань достала влажную салфетку и сняла тональный крем с лица. Накладные ресницы тоже отсутствовали, заодно она стерла и тени для век.

У обочины припарковался скромный электромобиль, окно опустилось, и за рулем оказался парень с глубокими глазницами и большими глазами, выглядевший весьма бодро. Даже если он не был ей по вкусу, она все равно задержала на нем взгляд.

Их взгляды случайно встретились, и парень пристально смотрел на нее. Вспомнив, что ждет Кэлэ, она вежливо улыбнулась:

— Извините, я не даю свои контакты.

Парень широко раскрыл глаза:

— А?

Хэ Сяомань моргнула.

— О чем ты говоришь, я же...

?

Ей показалось, что она слышит голос Кэлэ. Где же он?.. Хэ Сяомань даже наклонилась, чтобы заглянуть под машину.

Парень вышел из машины и подошел к ней:

— Здесь так жарко, скорее садись, в машине кондиционер работает.

Она в замешательстве села на пассажирское сиденье, резко повернула голову и пристально посмотрела на волосы Кэлэ.

— Эх, — Кэлэ, видимо, почувствовал себя неловко под ее взглядом, провел рукой по своим черным волосам и объяснил, — волосы не выдерживают трехкратного обесцвечивания в месяц, их становится все меньше, боюсь облысеть раньше времени, вот и покрасил обратно в черный. Непривычно, да?

Да, непривычно.

Раньше у Кэлэ были ярко-рыжие волосы, и она никогда не рассматривала его черты лица, волосы слишком привлекали внимание. Теперь же, взглянув, она убедилась, что парень из Синьцзяна действительно оправдывает свою репутацию: большие глаза, глубокие глазницы. Если бы он моргнул пару раз, даже мошенник раскаялся бы и вернул украденные деньги.

На светофоре Кэлэ моргнул и посмотрел на нее:

— Ты сегодня... такая красивая.

— Спасибо, я только что смыла макияж, — ответила Хэ Сяомань.

Кэлэ, видимо, не смог понять связь между «такой красивой» и «только что смыла макияж» и больше не заговаривал с ней всю дорогу.

На острове Полуночный Хэ Линнань уже достаточно ясно дал ей понять, что ей не следует без причины появляться перед ним, по крайней мере, какое-то время это будет неуместно.

— Мы едем в старую деревню Юьмицунь, верно? — уточнил Кэлэ.

— Угу, — она бросила взгляд на Кэлэ. Свет падал на его экзотический профиль, отбрасывая тень на нос. Если бы он не говорил, то выглядел бы вполне солидно.

— Не пойми неправильно, я...

— Знаю, — перебил Кэлэ, — я не ошибаюсь, ты обратилась ко мне, потому что у тебя больше нет друзей.

Хэ Сяомань бросила на него сердитый взгляд:

— Молчи, если не умеешь говорить.

Проезжая мимо цветочного магазина, Хэ Сяомань купила большой букет: сегодня в туристическом районе Юьмицунь открывался гостевой дом Гао Фэнцзюань.

Раньше она там не бывала, и, приехав, обнаружила, что гостевой дом построен на месте их старого дома.

Старый дом был снесен более десяти лет назад, и она лишь смутно помнила его местоположение. Теперь Юьмицунь превратился в коммерческий туристический район, и она не была уверена, что помнит правильно.

Она собиралась просто оставить букет и уйти, но Гао Фэнцзюань настояла на том, чтобы она осталась выпить чай с молоком.

Одна чашка чая с молоком содержала больше калорий, чем две миски риса. Как только Гао Фэнцзюань отвернулась, она с улыбкой вылила половину своей чашки в кружку Кэлэ.

Только после этого она вспомнила спросить:

— У тебя нет брезгливости, да?

Кэлэ замотал головой, как детская игрушка, торопясь доказать, что у него нет брезгливости, и залпом выпил всю кружку.

— Вытри рот, — напомнила она.

Кэлэ схватил салфетку и вытер рот.

Она сидела в баре гостевого дома и случайно взглянула на задний двор. Через открытую дверь она увидела половину двора, засаженного подсолнухами.

Цветки разного размера, золотистые, качались на ветру под лучами солнца.

Подошла Гао Фэнцзюань, и Хэ Сяомань с улыбкой спросила:

— Тетя, ты посадила подсолнухи?

— Это же твой задний двор, — поправила Гао Фэнцзюань, потянув за штанину, — ты разве не помнишь, в детстве у тебя умер хомяк, белый с кремовыми полосками, очень толстый. Ты всегда кормила его семечками, и когда он умер, его щеки были набиты семечками. Ты похоронила его во дворе, и вот выросли эти подсолнухи...

Хомяк, которого ей купил брат, был упитанным и блестящим, в его защечных мешках всегда оставались непережеванные зерна.

Хэ Сяомань смотрела на подсолнухи во дворе, золотистые цветы внезапно расплылись в ее глазах.

Она еще не осознала, что происходит, как капля воды — «кап» — упала на ее руку. Она с удивлением уставилась на эту каплю, и только потом поняла, что это ее слеза.

В девять лет ее плач привлек внимание Стивена Ли. С тех пор и до сегодняшнего дня она не плакала, пока не сейчас.

Хорошо, что я заранее смыла макияж.

— Тетя, ты врешь, — Кэлэ еще не заметил, что она плачет, и, повернувшись к Гао Фэнцзюань, сказал, — подсолнухи живут всего год, как они могли вырасти из семечек хомяка?

Гао Фэнцзюань улыбнулась и вздохнула:

— Они действительно выросли! Много штук. Сяомань не возвращалась, чтобы посмотреть, и мне стало жаль. Когда они увядали, я подсаживала новые семена. Сяомань, не грусти, считай, что это подсолнухи, которые оставил тебе твой хомячок.

Хэ Сяомань закрыла лицо руками, крепко прижав их.

Стивен Ли уже был казнен, и она наконец могла спокойно плакать.

Ножки стула заскрипели по полу, шаги выбежали из дома, и во дворе раздался голос Кэлэ:

— Сяомань!

Она опустила руки и посмотрела во двор.

Ветер поднялся, Кэлэ стоял среди подсолнухов, листья которых поднимали круглые улыбающиеся лица, желтые лепестки вокруг них трепетали. Кэлэ поднял руки и начал раскачиваться вместе с подсолнухами, всем телом.

Он совсем не был похож на подсолнух, скорее на... гигантского идиота размера XXXXXL.

Слезы Хэ Сяомань хлынули потоком, и она зарыдала во весь голос.

<http://tl.rulate.ru/book/5531/191029>